

А.В. Филимонов

К.К. Розенбек - музейный работник, архивист, краевед

В период «золотого века» советского краеведения (20-е гг.) самоотверженно трудилась целая плеяда исследователей истории, культуры, быта, природы родного края. К сожалению, многие имена впоследствии были вычеркнуты из истории краеведческого движения и преданы забвению. К таковым относится и Карл Карлович Розенбек, не только выступавший автором статей по историко-революционной тематике, но и являвшийся организатором музейного и архивного строительства на Псковщине.

Первоначально жизнь его складывалась так, что не предвещала той судьбы, которая выпала на долю К.К. Розенбека в дальнейшем. Родился он 1 апреля 1885 г. в семье крестьянина-латыша Венденского уезда Лифляндской губернии; по окончании в 1901г. Прекульского двухклассного училища (с правами городского) жил и работал в хозяйстве отца; затем служил конторщиком и бухгалтером. В 1914 г. Карл по мобилизации был призван в армию и до мая 1915 г. служил рядовым в 349-й Тверской пешей дружине. После окончания в августе 1915 г. Гатчинской школы прапорщиков он был направлен в 434-й Череповецкий пехотный полк, стоявший

на Рижском участке фронта. В полку К.К. Розенбек служил младшим офицером, в апреле 1917 г. принял командование ротой, а после Октябрьской революции избран завхозом полка. На этой должности он и находился вплоть до реформирования полка 15 апреля 1918 г., получил чин штабс-капитана. Летом 1918 г. он вернулся к сельскохозяйственному труду, работая в бывшем хозяйстве отца, перешедшем теперь к брату.

Но уже 5 января 1919 г. К.К.Розенбек вступил в Красную Армию - первоначально служил инструктором военного дела при Венденском уездном военном отделе, затем командовал ротой, полком, исполнял обязанности помощника командующего войсками группы и др. В феврале 1919 г. Венденским районным комитетом он был принят в ряды РКП(б). В течение всего этого времени жизнь и деятельность К.К. Розенбека протекала преимущественно вблизи от родных мест - в Латвии.

На Псковщину судьба забросила его осенью 1919 г., когда К.К.Розенбек был направлен в распоряжение Псковского губпродкома и работал там до августа 1921 г., оказавшись затем снова на военной службе: он стал командиром батальона 74-х Псковских пехотных курсов комсостава. С окончанием интервенции и гражданской войны Псковская губерния стала пограничным районом. Из находив-

шихся рядом буржуазных государств - Эстонии и Латвии - на ее территорию неоднократно вторгались вооруженные банды, для борьбы с которыми создавались части особого назначения (ЧОН). В июне 1922 г. К.К. Розенбек назначается командиром Великолукского батальона ЧОНа, численность которого составляла около 500 человек. Он же осуществлял общее руководство действиями всех отрядов по ликвидации бандитизма на территории Холмского уезда. В ноябре 1923 г. К.К. Розенбек становится командиром Псковского батальона ЧОНа и в этом качестве состоял вплоть до расформирования частей особого назначения в июне 1924 г. Затем в течение четырех месяцев он являлся заведующим заготпунктом Псковского госторга, а в октябре 1924 г. в жизни К.К. Розенбека произошел крутой поворот, во многом неожиданный, если учитывать уровень образования и всю предшествующую деятельность: 30 октября губернский отдел народного образования назначает его заведующим псковским Музеем революции¹.

В автобиографии (весьма подробной) К.К. Розенбек столь неожиданному назначению объяснения не дает. Очевидно, сыграли свою роль его служба в Красной Армии, ЧОНе, кратковременное нахождение в дореволюционный период под негласным надзором полиции, а главное - его членство в коммунистической партии. Назначение на совершенно новую для К.К. Розенбека работу было не чем иным, как очередным «партийным поручением», тем более, что он получил некоторую «политическую подготовку», окончив в 1919 г. курс политэкономии в Венденской партий-

ной школе. Недостаток же общего образования (К.К. Розенбек так и остался до конца жизни с образованием в объеме двухклассного училища) ощущался постоянно. Тем не менее К.К. Розенбек показал себя подлинным энтузиастом в выполнении порученного ему дела.

Музею революции, на должность заведующего которым К.К. Розенбек был назначен, в 1924 г. как такового еще не было. Он только создавался, хотя уже было разработано о нем положение, образован Совет и введена должность заведующего. Именно на К.К. Розенбека легла вся работа по подготовке к открытию Музея революции, которая завершилась 18 марта 1925 г.: в этот день в помещении по Комсомольскому переулку, д. 2 состоялось торжественное открытие означенного музея. Экспозиция, разместившаяся в нескольких комнатах второго этажа, рассказывала о крупнейших событиях классовой борьбы на Псковщине XVII-XIX вв., о движении декабристов, событиях трех революций, гражданской войны и интервенции, о пребывании в Пскове в 1900 г. В.И. Ленина. Помимо этого, коллектив музея во главе с К.К. Розенбеком периодически устраивал временные выставки, приуроченные к юбилеям исторических событий (например, к 100-летию восстания декабристов, 20-летию первой российской революции и др.); с начала 1926 г. была организована музей-передвижка, в миниатюре повторявшая стационарную экспозицию. Передвижка выезжала в ряд волостей Псковского уезда, в Остров, Опочку; во время выездов ее сопровождал К.К. Розенбек, дававший пояснения посетителям и попутно занимавшийся сбором новых

материалов для музея. СобираТЕЛЬская работа велась и за пределами губернии. Например, весной 1926 г. К.К. Розенбек побывал в Московском и Ленинградском музеях революции и договорился о взаимном обмене экспонатами и опытом работы. Были получены, в частности, материалы о народниках, имевших отношение к Псковскому краю - П.Лаврове и С. Перовской, о Февральской революции, что позволило восполнить имевшиеся в экспозиции пробелы. На проходивших в Пскове выставках местных художников для музея приобретались картины на революционную тему; так пополнялся художественный отдел Музея революции.

Конечно, не все благополучно обстояло в музее, руководимом К.К. Розенбеком. Не случайно печать отмечала «поразительную бедность, поразительную убогость» музея «как по части количества экспонатов, так и по части внешней обстановки»: некоторые события революционного движения оказались в экспозиции вообще обойденными, другие были показаны кратко и не вполне убедительно, основная часть материалов представляла собой копии, преобладал иллюстративный материал, очень мало имелось подлинных вещей и предметов и т.п. Во многом это являлось отражением постановки музейного дела в стране, отсутствием опытных специалистов, недостаточным уровнем подготовки работавших сотрудников и самого заведующего К.К. Розенбека. Псковский музей революции в середине 20-х гг. по своему характеру больше напоминал выставку и являлся не столько музеем в привычном смысле этого слова, сколько средством партийно-политического просвещения².

К.К. Розенбек руководил Музеем революции в течение двух лет со времени его открытия, а в марте 1927 г. ему поручается новый участок работы: он назначается заведующим губернским архивом, или, как в те годы официально называлось это учреждение, губернским архивным бюро³. Это назначение, как и предыдущее, было для него также совершенно новым, хотя, занимаясь сбором материалов для Музея революции, К.К. Розенбек прибегал и к поискам документов в архивных фондах. Он участвовал в работе проходившего в ноябре 1925 г. I губернского съезда архивных работников: был избран в президиум съезда, председательствовал на одном из заседаний, хотя сам не выступал⁴.

К.К. Розенбек был назначен на должность заведующего спустя месяц после случившегося в архиве чрезвычайного происшествия. Утром 7 февраля 1927 г. в кабинете заведующего губархивом произошел пожар, уничтоживший многие редкие печатные издания дореволюционного времени и первых послеоктябрьских лет. Следствие по этому делу закончилось осуждением к тюремному заключению предшественника К.К. Розенбека - заведующего губархивом В.П. Дроздова⁵. Поэтому К.К. Розенбеку пришлось начинать свою деятельность с ликвидации последствий пожара.

Губернское архивное бюро размещалось в здании бывших Присутственных мест (Советская площадь, 7) и имело несколько помещений для хранения архивных дел. Главными из них являлись два: по ул. Ильинской, 1 и Некрасовской, 1; некоторые фонды храни-

лись в здании Псковского исполкома и в кладовой при доме бывшего Мирowego съезда⁶. Поскольку далеко не все из них отвечали необходимым требованиям, новому заведующему предстояло подыскивать более подходящие и заниматься перевозкой архивных фондов. Так, в октябре 1927 г. был отремонтирован второй этаж бывших Тиунских палат, куда перевезли часть архивных дел из здания бывших Присутственных мест, а также материалы, поступившие из районов⁷. Таким образом, у архива, ставшего к тому времени окружным, появилось еще одно, более пригодное, хранилище. От хранения фондов в помещении бывшего уездного архива вскоре пришлось отказаться вследствие сырости последнего⁸, зато архив получил звонницу Пароменской церкви и так называемый «Шатер» - каменное одноэтажное здание без потолка, «крытое поверх досок железом - светлое и сухое», по ул. Некрасова, 7⁹. Таким образом, в 1928-1929 гг. архив располагал уже четырьмя хранилищами, в основном соответствовавшими элементарным требованиям. Сам К.К. Розенбек жил в Пскове на ул. Октябрьской, д. 38, кв. 6¹⁰.

В июле 1928 г. в газете «Псковский набат» он опубликовал небольшую статью «Скромный юбилей», посвященную 10-й годовщине Декрета СНК РСФСР о создании советской архивной системы. Он кратко обрисовал историю архивного строительства в стране и на Псковщине, подчеркнув, что организация Псковского губернского архива относится к июлю 1921 г., а уездные архивы организуются с октября 1924 г., хотя в некоторых уездных центрах (Порхов,

Великие Луки) они существовали с 1923 г. Много ценных документов за 1917-1919 гг. погибло в годы гражданской войны («для историков это непоправимая беда»), во время пожара 1927 г. («почти целиком погиб фонд печатных изданий, утрату можно восстановить лишь в небольшой части»). К.К. Розенбек в качестве одной из главных трудностей назвал и чрезвычайно большую текучесть архивных работников, главным образом, по причине материальной необеспеченности и трудных условий работы.

На момент написания статьи в штате окружного архива было всего 6 работников, в районных архивах - по одному. При всем этом за 9 месяцев сотрудниками была наведена и выдана 631 справка (против 410 за весь 1927 год). В заключении статьи К.К. Розенбек особо подчеркнул, что «многие организации и учреждения недооценивают архивы, не сдают документы, печатные издания, а переводят их на оберточную бумагу. В учреждениях архивы часто хранятся на «задворках, чердаках»¹¹.

В том же 1928 г. положение еще больше осложнилось: в ноябре и без того небольшой штат окружного архивного бюро был сокращен до четырех человек, в районах же вообще не стало освобожденных архивных работников. «Ни в одном из 18 районов округа нет архивных работников, - отмечал в отчете за 1928/29 гг. К.К. Розенбек, - обычно райархивом ведают секретарь райисполкома, а техническую работу ведет делопроизводитель»¹².

Работу архивного бюро очень часто проверяли вышестоящие архивные организации, а также местные органы власти. В течение

1928/29 гг., например, таких проверок было четыре: трижды со стороны представителей Ленинградского областного архивного бюро, один раз - комиссией окружной рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Проверяющие находили немало недостатков, но в то же время неоднократно приковывали внимание властей к нуждам архива и в этом смысле оказывали ему помощь. Таковым, к примеру, явилось обследование, проведенное инспектором Леноблархбюро в конце ноября 1928 г. Отметив «правильность общей линии деятельности Псковского окрархбюро» и то, что личный состав бюро является «вполне удовлетворяющим требованиям в отношении подготовленности к архивной работе», проверяющий в то же время подчеркнул, что после произведенного сокращения количественно он «совершенно недостаточен для выполнения задач, стоящих перед бюро», вследствие чего «из дореволюционных фондов разобрано не более 10%». Инспектор особо высказался за необходимость иметь в штате архива должность научного сотрудника¹³.

В январе 1929 г. по результатам этой проверки Псковский окрисполком получил специальное письмо из Ленинграда, на котором появилась резолюция: «Поручить зав. архивом на основе этого письма представить свои соображения о выполнении указаний облархива. 24. I. 1929 г.». В конце письма имеется приписка, сделанная рукой К.К. Розенбека: «2 февраля вел переговоры с председателем окрисполкома т. Смирновым. Зав. окрархбюро Розенбек»¹⁴. В начале июля 1929 г. результаты обследования стали предметом обсуждения на

заседании окрисполкома, а вскоре из Ленинграда на работу в качестве научного сотрудника архива был направлен архивист Осокин¹⁵.

На основании специального циркуляра Центрархива от 3 мая 1928 г. в Псковском архиве начала формироваться специальная «секретная часть». В начале августа в ее составе было уже 28 фондов: канцелярии начальника Псковской губернии (1175 дел), прокурора окружного суда Псковской губернии (50 дел), прокурора Великолукского окружного суда (9 дел), Островского полицейского управления (84 дела) и др. 1 сентября 1928 г. для «секретного архива» было закончено оборудование специального хранилища - изолированного помещения, с решетками и ставнями на окнах, двойными дверями. Тогда же началось выявление секретных материалов из «несекретных фондов». Специального работника по секретной работе в окружном архиве первоначально не было, поэтому к ней были допущены, кроме заведующего К.К. Розенбека, еще два сотрудника. Допускаемые должны были иметь рекомендации двух «поручителей», а окончательно допуск утверждался окрисполкомом¹⁶.

Засекречивание архивов, все более жесткие требования к их сотрудникам с учетом «благонадежности» и «партийности» были частью общего курса советской власти по отношению к интеллигенции. К.К. Розенбеку пришлось столкнуться с этим уже через полгода после вступления в должность, когда на межгосударственном уровне решался вопрос о передаче некоторых архивных дел Латвии. Коснулся он и Псковщины, часть территории которой после подписания Рижского договора

1920 г. отошла к этой республике. И вот в августе 1927 г. К.К. Розенбек получил «совершенно секретное» предписание Центрархива РСФСР, ярко свидетельствующее о политике властей в отношении архивов и их старых «спецов». «Управление Центрархива командирует в Псков архивиста-консультанта Кубалова Б.Г., который должен подробно ознакомиться с архивными фондами, подлежащими передаче Латвии ..., - говорилось в предписании. - Б.Г. Кубалову Управление Центрархива вполне доверяет, однако необходимо иметь в виду, что Б.Г. Кубалов беспартийный. О тех вопросах, которые Вы не сможете сообщить Кубалову, немедленно пишите в Управление Центрархива...

Ни представителям Наркоминдела, ни представителям Латвии ни в коем случае не сообщайте ничего ни об одном архивном фонде, не упомянутом в окончательных директивах, за исключением тех фондов, которые погибли. В отношении тех фондов, которые у Вас окажутся, но не будут упомянуты в окончательной директиве, говорите, что никаких сведений об этих фондах у Вас нет.

Когда к Вам приедут представители Латвии и с ними представитель Центрархива Кубалов, то Вы не должны проговориться, что Кубалов у Вас уже был. Разговоры об архивных фондах с латвийцами Вы будете вести только сами; сотрудники губархивбюро могут разговаривать с представителями Латвии только с Вашим присутствием и только по Вашему поручению.

Представителей Латвии ни в коем случае нельзя будет допускать ни к каким фондам, не упомянутым в окончательных директивах»¹⁷.

К сожалению, никаких дополнительных сведений о том, как указанное предписание было осуществлено на практике, обнаружить не удалось. Правда, это был исключительный случай, к тому же относящийся к сфере межгосударственных отношений, но указание насчет беспартийности Б.Г.Кубалова говорило о многом.

Среди допускаящихся к работе с «секретными» документами в конце 20-х гг. предпочитали видеть именно членов коммунистической партии. К.К. Розенбек сам неоднократно выступал в качестве «поручителя» и в соответствующих рекомендациях должен был писать, что знает работника «как подходящего для работы в секретной части» и ручается, «что он в политическом отношении вполне благонадежен и заслуживает полного доверия»¹⁸. В первое время к работе с «секретными» документами (как правило, в моменты отсутствия К.К. Розенбека) иногда подключался его заместитель А.А. Скобелев. Но вскоре окружные власти усмотрели в этом «криминал»: беспартийный Скобелев был допущен только к ведению «секретной переписки», но не к проработке эвакуационных и мобилизационных вопросов, являвшихся «совершенно секретными». За то, что К.К. Розенбек упустил это из виду, Псковский окрисполком объявил ему выговор¹⁹, а вскоре вообще поставил вопрос об увольнении А.А. Скобелева по причине возраста (64 года), но прежде всего потому, что «для пользы дела необходимо иметь в качестве заместителя руководителя учреждения члена ВКП(б)». В июне 1928 г. К.К. Розенбек вынужден был согласиться на увольнение беспартийного А.А. Скобелева²⁰.

«Секретная часть» архива по существу представляла собой группу документов, относящихся, главным образом, к истории революционного движения. Несмотря на их «секретность», многие из них в конце 20-х гг. исследователями все же использовались, а пример в этом показывал сам К.К. Розенбек, опубликовавший на их основе ряд солидных статей.

В конце июля 1928 г. на страницах газеты «Псковский набат» увидела свет его статья «1903 год», основанная на донесениях и рапортах уездных исправников и полицейских и рассказывавшая об агитационной работе социал-демократов в начале XX в. Особое внимание обращалось на распространение воззвания к солдатам в период военных маневров в августе 1903 г. Статья имела сноски на источники (что не совсем характерно для газетных публикаций), из которых видно, что в ней использованы документы из «секретных» фондов²¹. Автор привел ряд ценных фактических сведений, отсутствовавших в последующих работах, посвященных этому периоду (их авторы, к сожалению, не ссылались и на К.К. Розенбека).

Продолжая изучение темы революционного движения в начале XX в., К.К. Розенбек расширил хронологические рамки указанной статьи. Результатом стала его новая статья - «Канун 1905 г. в Псковской губернии», опубликованная в 1929 г. в научном издании (ленинградском журнале «Красная летопись»). В главе «Аграрное движение» К.К. Розенбек приводит сведения о крестьянских выступлениях в Псковской губернии, о характере революционных настроений среди крестьянства, а в главе «Аги-

тация и пропаганда» характеризует оживление революционной деятельности социал-демократов. Эта глава большей частью повторяет предыдущую статью автора («1903 год»), хотя содержит ряд новых фактов. К статье были приложены тексты трех прокламаций: «Солдаты», «Ко всем рабочим и крестьянам», «Российская социал-демократическая рабочая партия»²².

В том же году в журнале «Красная летопись» увидела свет вторая крупная статья К.К. Розенбека, посвященная уже другому историческому периоду, но тоже на историко-революционную тему - «Комитеты деревенской бедноты в Псковской губернии в 1918 г.» Впервые в исторической литературе автор дает сведения о количестве комбедов в губернии, в уездах и волостях, рассказывает об их деятельности. В основу статьи были положены документы волостных советов Опочецкого, Порховского, Великолукского, Псковского и др. уездов. К.К. Розенбек и здесь остается верен избранному им правилу: к статье приложил четыре документа²³.

Однако следует отметить, что все статьи К.К. Розенбека не отличались глубиной теоретической разработки, а представляли собой набор фактических данных, тщательно подобранных в архивных фондах и систематизированных в хронологической последовательности. Автор, впрочем, и не претендовал на создание подлинно научных трудов: все его статьи, как правило, имели подзаголовки - «По материалам Псковского окружного архива» или «Архивная справка». Значение его статей в том, что они познакомили читателя с фактами революционных событий, до того времени неизвестных.

Использовал «секретные» документы не только К.К. Розенбек: «По одному фонду Псковского окружного суда за 1905-1913 гг. просмотрено сотрудниками Музея Революции 4135 ед. хранения, - отмечал в отчете за 1928/29 г. К.К. Розенбек, - но для Музея из них ничего почерпнуть не удалось. На основе архивных материалов зав. Музеем Революции написано 5 небольших статей, опубликованных в местной газете «Псковский набат»... За год в читальном зале занимался 51 человек, число посещений 144, выдано дел 5820»²⁴.

В 1928-1929 гг., несмотря на большие трудности, были для К.К. Розенбека наиболее продуктивными не только в изучении архивных фондов, но и в публикации их документов. Вклад в изучение истории Псковского края, сделанный К.К. Розенбеком публикацией статей, ограничивается именно этими годами. В основном же заведующему архивным бюро приходилось заниматься сугубо повседневной работой, по делам архива выезжать и в районы округа. 2 декабря 1929 г., например, он проводил обследование архива Опочецкого района, а 28 декабря того же года с этой целью выезжал в Остров. Если в первом случае он застал относительный порядок, то в Острове обнаружил архивные дела, сложенные в беспорядке на чердаке здания райисполкома. В заключении составленного акта он предложил в недельный срок устранить такое ненормальное положение²⁵.

К.К. Розенбеку также приходилось выслушивать упреки в свой адрес - не только от проверяющих, но и публично в печати: «В Псковском окружном ар-

хиве скопилась за последнее время огромная масса архивного материала - около 500 пудов, - писал один из авторов заметки в «Псковском набате». - Большая часть его в полном беспорядке. Администрация архива разбазаривает его как макулатуру, а вырученные суммы тратит на повышение зарплаты»²⁶. В ответ на это замечание К.К. Розенбек публикует заметку «Об архивных операциях», где пишет, что «сообщение газеты о том, что фонды в беспорядке - неверно. Все 534 фонда разобраны и установлены на полках. О разбазаривании не может быть и речи, т.к. все акты утверждаются проверочной комиссией Центрархива РСФСР. Зарплата устанавливается комиссией по нормированию и самостоятельно не повышается»²⁷.

Но оказалось так, что, спустя несколько месяцев, эти упреки стали реальностью, а К.К. Розенбеку по долгу службы пришлось быть не только очевидцем, но и участником инициированной сверху так называемой «макулатурной кампании». Коллегия НК РКИ, основываясь на постановлении СТО СССР от 28 ноября 1928г., приняла 20 декабря 1928 г. постановление «О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности». Согласно этому постановлению, все государственные и общественные учреждения, организации и предприятия, в том числе архивные учреждения, обязывались срочно сдать документы, не подлежащие хранению («архивная макулатура»), органам утильгосторга для отправки в качестве сырья на бумажные фабрики. До-

кументы, не имевшие исторической ценности и практического значения, предписывалось сдать в месячный срок («макулатура I-й очереди»), а требующие предварительного просмотра - в двухмесячный («вторая очередь»).

5 декабря 1928 г. постановление «О сдаче архивной макулатуры» принял Президиум Псковского окрисполкома, рекомендовавший в двухнедельный срок выявить организациям и учреждениям наличие указанной макулатуры, после чего организовать сдачу «ненужной, не имеющей по определению в каждом отдельном случае окрархбюро, исторической или художественной ценности литературы, старых, ненужных, не подлежащих сдаче в архив дел, канцелярских и конторских книг, журналов, газет, использованных черновых записей, тетрадей - по установленным ценам Госторгу» и «ни в коем случае не допускать передачи старого газетного материала на рынке; черновики секретного характера - уничтожать, строго секретного - сжигать»²⁸.

В соответствии с указанными решениями в утиль пудами и тоннами стала сдаваться «архивная макулатура», причем очень часто без какой-либо экспертной оценки и даже без санкции окрархбюро. Точные цифры гибели архивных документов в ходе «макулатурной кампании» установить невозможно, но даже отдельные сведения позволяют дать представление о ее масштабах. Всего с января по май 1929 г. 77 организаций и учреждений Псковского округа сдали Госторгу 50 т макулатуры, из них 22 учреждения сдали 9 т материалов без санкции окрархива. Более же половины учреждений и организа-

ций округа вообще к тому времени к сдаче макулатуры не приступали. Не все организации выполняли предписание сдавать макулатуру только Госторгу. Выяснилось, например, что клуб Н-ского полка 12 декабря 1928 г. сдал 46 кг макулатуры и 32 кг газет коллективу кулечников, то же самое сделали в январе 1929 г. отдел труда и погранотряд, сдавшие соответственно 35 и 68 кг газет²⁹.

«Совершенно неприемлемо», - писала газета «Псковский набат», - когда учреждения передают макулатуру для уничтожения помимо архивных органов. По представленным спискам окрархиву видно, что многие учреждения и организации уничтожают весьма ценные документы»³⁰. Сколько и какой ценности документов было утрачено, остается только предполагать. Однажды, например, крестьянин обнаружил на базаре несколько документов, предназначенных к использованию в качестве оберточной бумаги, и принес их в музей. Среди них оказались древние документы из монастырского архива. Спасены они были, таким образом, совершенно случайно³¹. В конце февраля 1929 г. окружная РКИ провела специальное совещание, посвященное ходу «макулатурной кампании». Оно отметило «формальный подход к кампании окружного архивного бюро и негибкость Госторга», рекомендовало строго руководствоваться постановлениями правительства и окрисполкома³².

Но начавшийся необратимый процесс выискивания бумажного «хлама» остановить было уже невозможно. Старые опытные архивисты пытались противодействовать ему, но их протесты не при-

нимались во внимание. Так как кампания проводилась под руководством РКИ, архивисты с самого начала были обречены на беспомощное наблюдение за творящимся произволом: РКИ в ту пору представляла серьезную угрозу для всех, так как обладала правом привлекать к партийной ответственности, снятия с должностей с передачей дела в суд за невыполнение своих указаний.

В данной кампании остается неизвестной позиция К.К. Розенбека. Каких-либо подтверждений протеста с его стороны обнаружить не удалось. Скорее всего он вынужден был неуклонно выполнять все предписания «сверху». Во всяком случае в составленных им отчетах, где речь шла и о «макулатурной кампании», особого беспокойства не ощущается: «В связи с проводимой «макулатурной кампанией» окрархбюро проделало большую работу по просмотру в разборочной комиссии отобранных списков учреждений», а также «по выделению макулатуры из собственных хранилищ. Всего было 49 заседаний разборкома, на которых рассмотрено свыше 100 отборочных списков от 50 с лишним учреждений. Работа проведена вполне удовлетворительно»; «За отчетный период на рынке архивной макулатуры не обнаружено, в отношении учреждений и организаций случаев противозаконной продажи материалов не обнаружено», а проведенное специальной комиссией РКИ обследование установило, что «архивная макулатура выделяется по указаниям Центрархива»³³.

Думается, однако, что силами небольшого штата окрархбюро, не обладавшего к тому же достаточной квалификацией, опытом

старых дореволюционных архивистов, уследить за всеми нарушениями было просто невозможно (не только в Пскове, но особенно в районах округа). По оценке же ученых «макулатурная кампания» для судеб архивов вполне сопоставима с таким явлением, как коллективизация для судеб крестьянства³⁴, тем более, что кампания не ограничилась лишь 1928-1929 гг.: хотя и с меньшим размахом, она продолжалась вплоть до передачи архивов в ведение НКВД (1938 г.). Исключение делалось только для документов по истории партии и революционного движения, сосредоточенных в «секретных» фондах.

Уже в 1929 г. были предприняты меры по «выбраковке» не только документов, но и живых людей: началась кампания по чистке всех советских учреждений, в том числе архивных, от «классово-чуждого элемента». Получил предписание представить характеристики на всех членов окрархбюро и К.К. Розенбек. К чести заведующего можно отнести то, что на всех своих сотрудников он написал положительные характеристики. В них присутствовали, например, такие определения: «безусловно честный человек и заслуживает политического доверия», «заслуживает возможного повышения по работе» и т.п.³⁵

В 1930 г. К.К. Розенбек оставил работу на посту заведующего окрархбюро и в течение ряда лет работал в разных учреждениях и организациях: был председателем Клишовского сельсовета Псковского района; заведовал тарифно-нормировочным бюро на лесопильном заводе им. Урицкого; руководил военным отделом в окружной организации Осовиахима; редактиро-

вал многотиражную газету кожзавода «Пролетарий»; преподавал военное дело в Псковской совпартшколе. Затем вновь оказался на музейной работе: 8 января 1935 г. он был назначен директором Псковского краеведческого музея³⁶.

К.К. Розенбек принял руководство музеем с уже сложившейся структурой: музей располагал штатом сотрудников, накопил определенный опыт работы с посетителями, в организации выставочной деятельности и т.д. В составе его имелись историко-археологический отдел, картинная галерея, отдел природы, мемориальная комната В.И. Ленина (ул. Ленина, 3). Музей размещался в Поганкиных палатах и в зданиях №№ 1 и 3 по Комсомольскому переулку. Откликался музей и на текущие вопросы жизни, организуя выставки по льноводству, коллективизации, промышленности, школьному строительству, антирелигиозной пропаганде и др. Отдел природы имел свой опытный участок, на котором старейший работник С.М. Чистовский проводил опыты по возделыванию ряда редких культур³⁷.

В мае 1935 г., когда директором музея был уже К.К. Розенбек, началась реорганизация экспозиции в Поганкиных палатах, предусматривавшая расширение за счет ранее пустовавших пяти залов. Был поставлен вопрос о переводе в новое помещение музейной библиотеки, насчитывавшей к тому времени до 20 тыс. томов, в том числе около 1000 славянских и нескольких экземпляров арабских и греческих рукописей. Предполагалось перевести библиотеку в здание Солодежни, которое необходимо было отремонтировать. В марте 1935 г. музей принял шеф-

ство над Мелеховской школой Псковского района; в апреле организовал выставку «Пятая большевистская весна», освещающую вопросы подготовки к севу, рассказывающую о колхозной жизни, о рыбацком колхозе им. Залита. Под таким же названием была организована и передвижная выставка, выезжавшая в сельсоветы Псковского района³⁸. В этом сказывался опыт, накопленный К.К. Розенбеком еще на посту заведующего Музеем революции.

В краеведческом музее он успел сделать немного, так как его музейная карьера окончилась так же неожиданно, как и началась: 15 июля 1935 г. в газете «Псковский колхозник» появилась разгромная статья С. Рудина «Размышления в музее», сыгравшая роковую роль в судьбе ряда музейных работников, в том числе и К.К. Розенбека. «Когда смотришь «полотна», которые сконцентрированы под общим заголовком «Искусство эпохи пролетарской революции», - писал автор, - то до глубины души возмущаешься безответственным, беспардонным отношением к подбору экспонатов. Выставленные картины в большинстве своем являются пародией и на искусство, и на эпоху. Самое тяжелое впечатление оставляют бездарные вещи: «На скотном дворе совхоза» - Г.И.Иванова, «Завод имени Сталина» - А.А.Ивановского, «На Ладожском озере» - Данилевской и т.д... Характерно отметить, что картины дореволюционного времени сосредоточены в лучших светлых залах, а современные ютятся в коридорах». Антирелигиозный отдел, продолжает автор, «превратился в последнее время, с легкой руки хранителей музея, в религиозный.

Здесь не ведется абсолютно никакой антирелигиозной работы. Сюда приходят старушки-богомолки, поклоняются, целуют кресты, иконы, мощи и всякие другие подобные вещи». Но, пожалуй, главным упреком автора являлось отношение руководства музея к комнате В.И. Ленина: «До самых последних дней комната Ильича была доверена совершенно случайным людям. Экскурсовод Романдин давал объяснения посетителям о периоде «Искры» по брошюре Лилиной³⁹. А дополнительным пособием ему служил очерк об «Истории ВКП(б) Зиновьева. Рядом с Ильичом висели портреты злейших врагов партии и рабочего класса, контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и др... Года четыре назад один председатель горсовета получил строгий выговор за ликвидацию историко-революционного отдела музея, но никому от этого ни холодно, ни жарко. Историко-революционный отдел не восстановлен и по сей день... А как показано в музее социалистическое строительство! Бледно, убого, неуютно!... После всего сказанного невольно возникает вопрос, какими же людьми окружил себя член партии т. Розенбек?...» С. Рудин, как бы отвечая на этот вопрос, называет в качестве «классово-чуждых» хранителя музея Л.Л. Беке, заместителя директора по научной работе В.А. Богусевича и др.⁴⁰

Через день, 17 июля, об этом же писала областная газета «Ленинградская правда», поместив статью уже под более громким названием - «Враг в музее». Повторив ряд фактов, приведенных С. Рудиным (даже сохранив некоторые их формулировки), авторы статьи еще больше заострили отрицательные

оценки: «Руководящий обслуживающий персонал, научные сотрудники музея ... все как на подбор - кто из духовного звания, кто чиновом повыше - из потомственных дворян, - таковы научные сотрудники Скоропостижная, Ресположенский. Свора чужаков, пробравшаяся в музей, творит свое грязное контрреволюционное дело... Кучка жуликов и чужаков, пользуясь притуплением классовой бдительности руководителей - зав. музеем Розенбека, коммуниста с 1919 года, и руководителей горсовета, вершит всеми музейными делами города Пскова»⁴¹.

Факты, изложенные в газетах, расследовала специальная комиссия, а 10 августа 1935 г. по итогам ее работы вопрос о положении в музее рассматривало бюро Псковского окружкома ВКП(б). Хотя К.К. Розенбек находился на посту директора немногим более полугода, вся вина за «ненормальное» положение в музее была возложена на него. Факты, опубликованные в газетах, как отметило бюро, подтвердились полностью: «вследствие оппортунистического благодушия и притупления классовой бдительности со стороны руководителя музея т. Розенбека в музее имело место неудовлетворительное состояние работы (отсутствие историко-революционного отдела, перегрузка исторического отдела религиозными экспонатами, отсутствие разделов развития капитализма и социалистической революции, слабость отдела социалистического строительства) и засоренность личного состава классово-чуждыми и жульническими элементами... Розенбек не руководил музеем и работой в комнате В.И. Ленина, а передове-

рил эту работу неблагонадежным в политическом отношении элементом, проявил классовую близорукость и безответственность».

Обсуждение закончилось вынесением постановления: «За притупление классовой бдительности, халатное и безответственное отношение к работе, за допущение режима самокритики т. Розенбеку объявить строгий выговор и снять с работы в музее». Окружному отделу народного образования было предложено пересмотреть состав работников музея, очистить его от «классово-чуждых» элементов, заменить негодных работников более квалифицированными. Предложено было также «проработать целевые установки музея, его отделов», срочно завершить работу по созданию историко-революционного отдела⁴².

К.К. Розенбек после этого работал некоторое время в Псковском райпотребсоюзе, а в начале 1936 г. был назначен директором Псковского райлесхоза, где трудился до сентября 1937 г.⁴³

В сентябре 1937 г. он был привлечен к партийной ответственности за то, что, «работая директором межрайлесхоза, окружил себя врагами народа, возглавлял и вместе с ними проводил вредительство, направленное на вызов недовольства крестьян и колхозников и причинение государству огромных убытков, разбазаривание и расхищение лесоматериалов, порчу их, разбазаривание и расхищение крупных денежных сумм государственных средств... Розенбек, имеющий связь с родственниками за границей, передавал им за границу кое-какие сведения и занимался шпионажем». Бюро Псковского райкома ВКП(б) 17 сентября

1937 г. исключило К.К. Розенбека из членов ВКП(б) «за вредительские действия, широко проводившиеся им в райлесхозе, вследствие чего нанесен государству огромный ущерб»⁴⁴.

Через несколько дней Розенбек был уволен с работы и оказался человеком «без определенных занятий», т.е. стал безработным. Проживал он в это время в Пскове уже по другому адресу: ул. Советская, д. 47, кв. 13. Оказавшись безработным, он сосредоточился на общественной работе в латышском национальном клубе «Труд», с которым сотрудничал уже давно и руководил там секцией военного дела. 4 декабря 1937 г. органы НКВД арестовали сразу 30 членов этого клуба, в том числе К.К. Розенбека. Все они были объявлены членами несуществующей на самом деле «латышской шпионской, националистической, диверсионно-повстанческой организации», которая занималась якобы сбором шпионских данных по пограничным районам, готовила диверсионные акты по разрушению военных объектов, вооруженное выступление против советской власти, террористические акты против партийных и советских работников и т. п. К.К. Розенбек, у которого при обыске обнаружили «кобуру к револьверу «Наган» и флотский кортик», был объявлен руководителем этой организации. Якобы еще в 1919-1920 гг. он установил связи с латвийской разведкой, а в 1930 г. был завербован одним из ее агентов, после чего начал проводить работу по созданию означенной организации; устраивал в клубе «Труд» и у себя на квартире нелегальные сборища, на которых обсуждались вопросы подготовки вос-

ствия против советской власти; «Недостаток» оружия предполагалось компенсировать путем захвата военных складов.

Следствие закончилось очень быстро, и по постановлению Коллегии НКВД и Прокуратуры СССР от 29 декабря 1937 г. все арестованные (и К.К. Розенбек) 3 января 1938 г. были расстреляны⁴⁵.

В процессе дополнительной проверки, проведенной в 1956-57 гг., было установлено, что К.К. Розенбек в 1937 г. был репрессирован необоснованно, по надуманным обвинениям. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 11 июля 1957 г. дело в отношении его было прекращено,

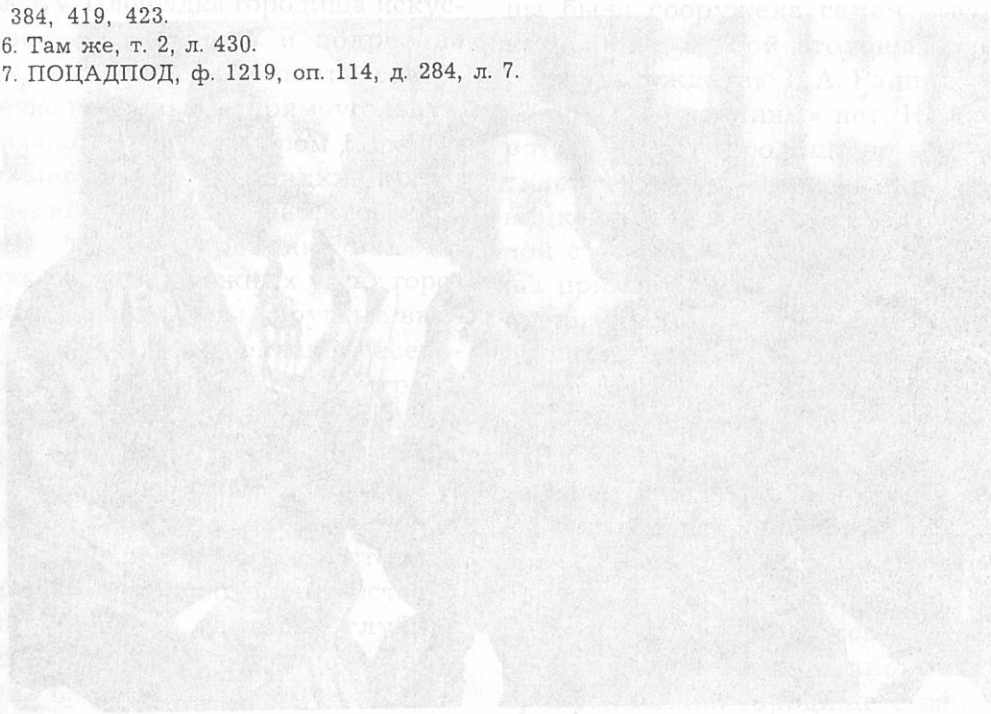
за отсутствием состава преступления он был посмертно реабилитирован⁴⁶. Спустя 32 года был рассмотрен вопрос и о партийной реабилитации К.К. Розенбека. Учитывая необоснованность обвинений, предъявленных К.К. Розенбеку при исключении из партии, полную реабилитацию в судебном порядке, бюро Псковского обкома КПСС от 11 апреля 1989 г. отменило постановление бюро Псковского райкома ВКП(б) от 17 сентября 1937 г. Постановлением К.К. Розенбек был восстановлен в рядах Коммунистической партии с 1919 г. (посмертно)⁴⁷. Доброе имя музейного работника, архивиста, краеведа, общественного деятеля восстановлено.

Автор выражает благодарность дальней родственнице К.К. Розенбека - директору средней школы №16 г. Пскова А.Г. Дегтяревой за предоставленные фотографии и профессору ПГПИ И.К. Лабутинной за оказанное при этом содействие.

Примечания

1. ПОЦАДПОД, ф. 1, оп. 6, д. 1737, л. 1, 3, 6; Годовая работа Частей Особого назначения Псковской губернии (Ко второй годовщине). Псков, 1923, с. 37, 60.
2. Подробнее о создании Музея революции, деятельности К.К. Розенбека на посту заведующего см.: Филимонов А.В. Музей революции в Пскове // Псков. 1997, № 7, с. 102-112.
3. ПОЦАДПОД, ф. 1, оп. 6, д. 1737, л. 1.
4. ГАПО, ф. 1131, оп. 1, д. 3, л. 1, 12.
5. Псковский набат. 1927, 17 мая, 16 июня.
6. ГАПО, ф. 1131, оп. 1, д. 3, л. 5.
7. Псковский набат. 1927, 6 октября.
8. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 258, л. 244.
9. Там же, д. 303, л. 32.
10. ГАПО, ф. 1132, оп. 1, д. 1, л. 7.
11. Псковский набат. 1928, 15 июля.
12. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 303, л. 32, 33; д. 258, л. 244.
13. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 258, л. 244.
14. Там же, л. 244, 245.
15. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 303, л. 31, 229; Псковский набат. 1929, 17 июля.
16. ГАПО, ф. 1132, оп. 1, д. 2, л. 3, 4; л. 28, 29.
17. Там же, д. 4, л. 1.
18. Там же, д. 1, л. 7.
19. Там же, л. 28-30.
20. Там же, л. 27, 43.
21. Псковский набат. 1928, 31 июля.

22. Красная летопись. 1929, № 2 (29), с. 215-228. Обстоятельства написания и распространения воззвания «Солдаты» в 60-70-х гг. исследовал В.И. Новиков, подчеркнувший, что «в архивных материалах сохранился экземпляр одной из этих листовок», по которой и привел текст (см.: Новиков В. И. В.И. Ленин и псковские искровцы. Л., 1972, с. 223, 224). Впервые он опубликован К.К. Розенбеком.
23. Красная летопись. 1929, № 6 (33), с. 213-230.
24. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 303, л. 33.
25. Там же, л. 56, 74.
26. Псковский набат. 1928, 13 октября.
27. Там же, 18 ноября.
28. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 141, л. 54 об.
29. Псковский набат. 1929, 3 марта, 29 мая.
30. Там же, 29 мая.
31. Там же, 13 апреля.
32. Там же, 3 марта.
33. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 303, л. 31, 32.
34. Хорхордина Т. История и архивы. М., 1994, с. 180.
35. ГАПО, ф. 1132, оп. 1, д. 5, л. 4,5; ф. 324, оп. 2, д. 5, л. 244.
36. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. АА-3776, т. 2, л. 136.
37. Псковский колхозник. 1934, 30 марта, 16 сентября, 23 октября, 14 ноября, 17 мая.
38. Псковский колхозник. 1935, 31 марта, 4 апреля, 1 и 10 мая.
39. Лилина (Радомысльская) Злата Ионовна (1882-1929 гг.), участница российского революционного движения, член Коммунистической партии с 1902 г. Жена Г.Е. Зиновьева. Сотрудничала в газетах «Звезда», «Правда», член редколлегии журнала «Работница». Участница Октябрьской революции в Петрограде, затем на партийной и советской работе.
40. Псковский колхозник. 1935, 15 июля.
41. Ленинградская правда. 1935, 17 июля.
42. ПОЦАДПОД, ф. 7, оп. 1, д. 76, л. 31; Псковский колхозник. 1935, 12 августа.
43. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. АА-3776, т. 2, л. 136.
44. ПОЦАДПОД, ф. 3, оп. 2, д. 698, л. 110-113.
45. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. АА-3776, т. 1, л. 24, 87; т. 2, л. 1, 3, 136, 139, 145, 162, 384, 419, 423.
46. Там же, т. 2, л. 430.
47. ПОЦАДПОД, ф. 1219, оп. 114, д. 284, л. 7.

Лилина (Радомысльская) Злата Ионовна (1882-1929 гг.)

К.К. Розенбек (20-е гг.)

К.К. Розенбек с женой М.Г. Климовой -
сотрудницей Псковского музея (30-е гг.)